

● ИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЛЕНИНИАНЫ

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

В своей книге «Как я работал над образом Ленина» Владимир Иванович Честноков не то, что бы сетует на некоторые замечания восторженных рецензентов спектакля «Грозовой год», а всего лишь горестно фиксирует их. Но то, что огорчило замечательного мастера (и сейчас, по прошествии многих лет это особенно очевидно) могло стать источником самой высокой радости у любого взыскательного актера.

Да, критика отмечала, что внешне Честноков не очень похож на Ленина, что он почти не прибегает к знаменитым ленинским жестам... Но вместе с тем — в этом было полное единодушие — Честноков нашел пути глубинного раскрытия образа, пути выявления главных, определяющих черт вождя и человека.

Несоизмеримость упреков и похвал здесь столь очевидна, что сегования могли бы показаться скорее нескромной попой, чем переживанием. У многих, но не у Честнокова.

Все, что читаешь об этом человеке, все, что узнаешь в разговорах с близкими ему, убеждает в удивительной, подлинно артистической требовательности к любой, даже самой малой своей роли, самому малому своему делу — если дело это — искусство. Он никогда не принадлежал к числу людей, убежденных, что опыт и талант обязательно приведут к успеху. Он знал сомнения и неуверенность. Он тянулся к режиссеру и ждал от него помощи. Ему совсем не безразлично было с кем играть, и в партнерах по спектаклю он умел черпать силу и вдохновение. И это при том, что уже целые десятилетия Ленинград знал и любил Владимира Честнокова, аплодировал ему в десятках ролей, созданных и на сцене прославленного Пушкинского театра и в театре Ленинского Комсомола, а в тяжелые дни войны — в театре Балтийского флота и потом — в драматическом театре.

Что же удивляться, если целую страницу своей книги он посвятил размышлениям о необходимости максимальной точности, даже документальности при создании образа Ильича. Он безжалостен к себе и рисует в своем воображении ситуацию самую мрачную: «Представьте себе: выходит артист на сцену, и зрители в нем не узнают Ленина. Сначала начинаются раздумья и шущуканье. Он? Не он? Если он, то почему такой непохожий? Ведь в жизни он был не таким. Вот и Горький пишет: «Руки сунул куда-то под мышку...» Нет, не похож. И вместо того, чтобы слушать ленинские слова, следить за движением стремительной ленинской мысли, — зрители будут думать совсем о другом».

Но нет, когда на сцене был Честноков, зрители слушали ленинские слова и следили за ленинской мыслью... Так как, может быть, давно уже не следили и не слушали, глядя на образ вождя в других спектаклях, в других театрах.

Но огорчения Честнокова из-за отсутствия абсолютной внешней схожести примечательны для всего его актерского облика. Реалистическая достоверность изображаемого, правда чувства, ясность и определенность, казалось бы в самом удивительном — в движении мысли — все это не только органично для него. Это выражение его сути, его человеческого «я». И все эти свойства его души и таланта в самой большой мере проявились, конечно же, в работе над ролью В. И. Ленина.

Работа над ролью Ленина... Когда началась она?

В пятьдесят седьмом, когда в Ленинградском академическом театре им. Пушкина готовились к постановке пьесы А. Каплера «Грозовой год»? Конечно, ибо ни разу прежде Честноков не выходил на сцену в образе вождя, даже во время репетиций. Но были и другие, более давние, хотя и менее зримые факты, менее ясные связи, оказавшиеся, впрочем, и важными, и вполне определенными.

В 1937 году театр им. Ленинского Комсомола, где работал тогда актер, приступил к постановке «Человека с ружьем». Честноков был назначен вторым исполнителем на роль Ленина. Через два десятка лет он напишет об этом: «Я был счастлив, но радость не была единственным заполнявшим меня чувством. Рядом с радостью прочно обосновались страх и неверие в свои силы. Страх не покидал меня до тех пор, пока не выяснилось, что времени мало и что играть будет только один исполнитель». В каждом слове здесь — Честноков, Честноков, взваливший на себя огромную тяжесть ответственности и не уверенный, что она ему по силам. Но для того, чтобы пережить эту радость и этот страх, нужно было уже душой прислониться к образу, непомерно сложному и великому.

И разве театральная молодость Честнокова, прошедшая на 20-е годы, разве роль Фурманова, сыгранная им тогда в инсценировке «Мятежа», не были постижением революционной действительности и революционной мысли, высшим выражением которых стал Ленин?

А длинная череда сыгранных им образов героической современности — будь то предвоенных или военных лет — не давали ли они актеру крылья, чтоб с большой высоты увидеть многоцветный мир контрастов, социальных и нравственных движений, их истоки, их результаты, их будущее?

И поэтому, когда руководитель Пушкинского театра Леонид Сергеевич Вивьен предложил ему роль Ленина в «Грозовом годе», Честноков был внутренне уже подготовлен к ней. И режиссер спектакля Антонин Николаевич Даусон тотчас почувствовал в нем единомышленника, потому что, как выяснилось, хотели они одного. «Мы хотели, — писал Честноков, — создать современный, публицистически острый спектакль. О Ленине и о сегодняшнем дне. Мы хотели показать неприглядность Ленина, беспощадного и жестокого к врагам революции во имя любви к людям».

Но не к тому ли часто стремились и другие актеры и режиссеры! Суть состояла в том, чтобы найти свое собственное изображение, не повторяя предшественников, но разумеется, используя их опыт. Не отказываясь от самого себя, но своей актерской индивидуальности, но сыграть с максимальным выражением творческих

возможностей, даже перешагнуть через них.

Вот здесь и пришло то, что так и не переставало потом беспокоить артиста — отказ от привычной внешней линии поведения Ленина. Честноков решительно отходит от годами затвердившихся приемов. Он был актером певцовского склада и не мог сделать жеста, повысить голоса или придать ему ораторский тон, внутренне не ощутив их необходимости, даже неизбежности. И экспрессия Ленина в этом спектакле всегда была органичной, идущей от самого его существа.

И зрители это отлично чувствовали. Едва Ленин, еще за кулисами, произносит свою первую фразу — «Это безобразно, не имеющее границ» — и затем появляется на сцене, напор его мысли, эмоциональный напор захватывал всех присутствующих в зале. Экспрессия так, что руки, соединившиеся для аплодисментов, столь обычных и естественных при появлении Ленина, через мгновение опускаются, чтобы не упустить слово, чтобы не потерялась нить суждений. И совсем неважно было теперь, в какой мере победил актер свое портретное несходство с Ильичем. Важно было совсем другое — сходство «по сердцу», как точно выразился ленинградский критик В. Иванова.

...Ленин распекает своего сотрудника Полякова за попустительство и мягкотелость, которые сейчас равны измене. Но это не директивы вождя, а слова человека, для которого судьба народа — его собственная судьба. Так возникает в спектакле тема глубокой человечности Ильича, суть которой не столько в душевной мягкости, сколько в личном, все подчиняющем себе чувстве ответственности за судьбы революции, за судьбы России.

И уже подготовленной оказывается сцена с Горьким, спор с которым о гуманизме и жесткости проходит через всю пьесу. Горького играл Черкасов, и диалог с ним был едва ли не самым тонким и глубоким в спектакле. Два больших мастера создавали удивительную атмосферу близости, дружелюбия, в которой в полную меру сказались редкое умение Честнокова слушать партнера, проникать в святое святых его души. И поэтому глубоко лично, будто только для одного человека звучат слова, которые не только итожат спор, но и формулируют истину, дорогую для миллионов: «Жесткость нашей жизни — вещь временная, только временная. В нашем идеале нет насилия над людьми. Дайте нам сломить врага и окрестить... пусть только мы окрестим, и вы увидите самое человеческое, самое доброе государство в мире».

Честноков, казалось, совершал чудо — зрительный зал присутствовал при рождении мысли, становился свидетелем ее истоков, ее поисков, ее развития. Человеческие раздумья обретали естественность и простоту, хотя были они по-ленински сложны и глубоки. И вот это умение сыграть Ленина-мыслителя (не упуская при этом и других сторон непозоримо одаренной натуры) оказалось, пожалуй, наиболее плодотворным для Честнокова.

В самом деле — что всего лучше удалось актеру в образе вождя революции, сыгранном им в фильме «В дни Октября» (режиссер С. Васильев).

Сцены, где перед нами думающий Ленин. И прежде всего та из них, где на заседании ЦК решается вопрос о вооруженном восстании. Нервно ходит Ильич по небольшой комнатке, и речь его — как великолепная импровизация, как экспромт. План восстания зреет на глазах, обрастает деталями, дополняется, переосмысливается, становясь все более ясным, четким, конкретным. Мысль как бы обретает несвойственную ей зримость...

И еще одна пьеса, и еще один образ Ленина, созданный Честноковым. В 1959 году в театре имени Пушкина поставлено «Суровое поле» В. Михайлова. Совсем короткий срок отделяет Честнокова от прежних работ, принесших ему большой успех. Но новая ленинская роль таит в себе немало такого, что близко таланту художника, его принципам постижения характера Ильича. И снова для маститого, но вечно беспокойного и увлекающегося Честнокова начинается путь исканий, как всегда связанный для него с мучительными переживаниями и опасениями.

...Голод в Поволжье. Безработица. Трагедия народа, совершившего революцию. Ленин один в кабинете. Ему есть над чем подумать, и его монолог — размышление длится... пятнадцать минут. Никогда прежде не было в театре ничего подобного, и Честноков, несмотря на весьма несовершенно авторский текст, вновь демонстрирует свое искусство проникновения в психологию Ильича. Ему доступны нюансы и оттенки, зигзаги и повторы, возвращения к передуманному и обретение конечного итога. Ему доступна живая трепетность ленинской мысли.

И совсем уже невозможное происходит в спектакле «Между ливнями», поставленном Р. Сусловым по пьесе А. Штейна. Автор оставляет Ленина наедине с самим собой в течение сорока пяти минут! Дело, разумеется, не в арифметических подсчетах. И, наверное, можно спорить с драматургом о сценической целесообразности такого приема. Но нас сейчас интересует другое — талант художника, позволивший ему сыграть эти эпизоды. Нас интересует богатство его личности, его человеческая, духовная, интеллектуальная значимость. Ибо без этого невозможен живой Ленин на театральных подмостках.

Никакое мастерство не спасет исполнителя, если оно не подкреплено глубиной и остротой актера — творца, не оплодотворено его гражданской ответственностью. Честноков великолепно сыграл роль Ленина — свою главную роль в жизни — потому что многое было дано ему и как человеку, и как артисту, и как гражданину. Смерть, художнику дает печальное право не скупиться на оценки и эпитеты. И не боясь власти в преувеличения, можно смело сказать, что Владимир Иванович Честноков внес в театральную лениниану одну из самых блестящих и самобытных страниц.

З. АНЧИПЛОВСКИЙ.